

УДК 1(091):62
doi:10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).12
5.7.2

Учение о techne в рассуждениях Платона

Елена Юрьевна Погорельская

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия,
schreibigus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9723-465X>

Аннотация. В статье осуществляется поиск начал современной техногенной цивилизации. Погруженность современного мира в производство, «неистовая техническая гонка», забвение истоков европейской цивилизации привели к тотальной слепоте в понимании сущности технического. Основная гипотеза поиска заключается в том, что техника является традицией, уходящей своими смысловыми корнями в античное techne, которое наиболее определенно выражено в философии Платона. Именно Платон ставит вопрос о techne как способе выведения истины из потаенности. Techne открывает понимание деятельности мастера, который в своем таланте проявляет любовь, высвобождающую логос вещи. Гениальность есть высшая степень мастерства, и только любящий человек способен увидеть истину, эйдос. Таким образом techne выводит творца к бытию. Дар мастера открывает путь в новые миры, он одновременно и проводник, и создатель этих путей, демиург, потому что без мастера дорога не откроется. Человечество поддается влиянию эффективности постава, в то время как техника в своем истоке имеет нежное созидательное начало techne.

Ключевые слова: techne, мастер, бытие, Платон, истина, техника

Для цитирования: Погорельская Е. Ю. Учение о techne в рассуждениях Платона // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 3 (42). С. 134–141. DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).12.

The Doctrine of Techne in Plato's Reasoning

Elena Yu. Pogorelskaya

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia,
schreibigus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9723-465X>

Abstract. This article is a search for the beginnings of the modern technogenic civilization. The modern world's immersion in production, the “desperate technological race”, the forgetting of the origins of European civilization led to a complete blindness in understanding the essence of the technical. The main hypothesis of the research is that technology is a tradition that has its semantic roots in the ancient techne, which has its most obvious expression in Plato's philosophy. It is Plato who raises the question of techne as a way of deducing the truth from the mystery. Techne opens up an understanding of the activity of a master who, in his talent, shows the love that releases the logos of a thing. Genius is the highest degree of mastery, and only a loving person is able to see the truth, eidōs. It is in this way that techne brings the Creator into being. The gift of the Master opens the way to new worlds, he is both the guide and the creator of these paths, the Demiurge, for without the Master the way will not open. Mankind succumbs to the efficiency of the Gestell, while techne has at its origin the gentle creativity of techne.

Keywords: techne, master, being, Plato, truth, technique

Введение

Рассматривая технику в ее историческом прошлом, обычно уделяют внимание, в первую очередь, техническим вещам, дискретным и очень разнообразным, между тем техника – это прежде всего традиция, а следовательно, есть нечто целое, то, что роднит техническую вещь прошлого и современности. Основная проблема данного исследования – это вопрос о началах/истоках технической реальности в европейской культурно-исторической традиции. В решении данного вопроса мы будем пользоваться феноменологическим методом, выраженным в философских воззрениях Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера.

Гуссерль в работе «Начала геометрии» обращает наше внимание, что «весь культурный мир во всех формах пришел из традиции. Эти формы возникли не только каузально, ведь мы уже всегда знаем, что традиция есть как раз традиция, возникшая в нашем человеческом пространстве из человеческой активности, а значит, духовно, – даже если нам в целом о происхождении и о фактически сопровождающей его духовности ничего или почти ничего не известно» [Гуссерль 1996, с. 212]. Безусловно, всякая техническая вещь есть определенный *смысловой осадок*, который фиксирует развитие технической мысли в определенном историческом времени, но конечность вещи не прерывает традицию, а, напротив, длит ее через свое воплощение. Можно предположить, что техническая вещь, как воплощение творческой мощи, есть и принципиально новое, и одновременно некий сжатый путь предыдущих воплощений и реализаций. Тем самым в бытии технической вещи наличествует свободный элемент, связанный с гением мастера, а также весь накопленный опыт технического, коль скоро техническая вещь возникает в мире, который к ее появлению уже существует и сам по себе является традицией бытия.

Особенностью технической вещи является то, что она «призвана скрывать» свое прошлое, как будто этого прошлого и не было. Техническая вещь призвана функционировать как нечто самодостаточное, замкнутое, между тем в ней в скрытом виде хранится вся история пути. Смысловой источник/начало никуда не исчезает, но всякий раз, встраиваясь в новый исторический контекст, обнаруживает новую грань своей бесконечной сущности. Конечно, история развития бытия техники может дробиться на отдельные подъединства, выстраивающие вокруг себя определенный порядок смыслов, но в целом техническая традиция не рвется, а подчиняется темпоральной логике, описанной Э. Гуссерлем в «Феноменологии внутреннего сознания времени» [Гуссерль 1994], логике смыслообразования и смыслооседания истины. «Традиция истины есть наиболее глубокая и наиболее чистая история. Только чистое смысловое единство такой традиции в состоянии обосновать эту преэминентность, без которой не было бы самой подлинной истории, мыслящей и замысляющей себя как таковую, а был бы лишь эмпирический набор конечных и случайных единств», – поясняет Гуссерля Жак Деррида [Гуссерль 1996, с. 63].

Хайдеггер в своей работе «Вопрос о технике» свидетельствует, что существо техники для современного человека недоступно, закрыто, несмотря на то что он полностью погружен в технический мир, зависим от него. Человек «оцепенело глядит на техническое» [Хайдеггер 1993, с. 236], в то время как нужно понимать, что техническое представляет собой особый путь «раскрытия потаенного» [Там же, с. 237]. Хайдеггер обращает наше внимание, что существо техники, ее бытие связаны с вопросом об истине, а истину из потаенного может вывести мастер. «Τέχνη – вид “истинствования”. Τέχνη раскрывает то, что не само себя производит, еще не существует в наличии, а потому может выйти и выглядеть и так, и иначе» [Там же, с. 225]. Античным философом, чьи произведения наиболее явственно воплощают само действие *techne* – действие выведения истины из потаенности на свет Божий, был Платон. Вопрос об истине напрямую зависит от вопроса об особом *techne*, об умении раскрытия потаенного. Если предположить, что существует природа техники, то выведением существа техники из

потаянного, из слепой зоны будет *techne*. Хайдеггер в работе «Основные понятия метафизики» пишет: «Природа имеет теперь смысл внутренней сущности. Так, мы говорим “природа вещей” и при этом имеем в виду природу не только естественных вещей, но любого сущего вообще. Мы говорим о природе духа, души, природе художественного произведения, о природе дела» [Хайдеггер 2013, с. 67]. Возникает парадоксальная ситуация: для того чтобы понять существо техники, нам необходимо применить особое *techne* для прояснения ее сущности, и, проследивая ходы *techne*, можно уловить логику скрытой сущности техники, возможно логику потерь или забвений.

Данное исследование будет историко-философского плана, поскольку в лице мира технических вещей мы имеем дело с живой традицией. Оказывается, что вопрос о природе техники может быть поставлен в том числе и в терминах пути, который техника, представляющая прежде всего воплощение определенного смысла, прошла, и здесь мы хотим знать, какими путями истина техники осуществляется по сей день. Проблема истины связана напрямую с проблемами бытия техники, если мы предполагаем, что в технической вещи и в техническом мире в целом наличествует нечто подлинное, «ибо в какой мере каждая вещь причастна бытию, в такой и истине», – говорит Аристотель в «Метафизике» [Аристотель 1975, с. 95]. Мы будем рассматривать природу технического прежде всего в онтологическом аспекте, то есть в аспекте *начал бытия* техники.

Платон о необходимости *techne* для прояснения природы вещей

Современная техническая цивилизация берет начало в античной культуре. В своем исследовании мы обращаемся к философскому наследию Платона, надеясь отыскать в его диалогах смысловые основания, которые будут разворачиваться шаг за шагом в историческом движении технической реальности, трансформируясь и меняясь, но тем не менее сохраняя связь со своими корнями.

1. *Традиционно античное techne (τέχνη) переводят как мастерство, искусство, дело, а также хитрость, уловка, средство* [Долгих 2014, с. 27]. *Techne* – это искусство мастера по взаимодействию с природой вещи, это особое умение, идущее от понимания того, с чем ты имеешь дело. И в этом смысле искусный мастер знает «толк в вещах», то есть разбирается в своем ремесле, знает различные приемы и хитрости. В диалоге Платона «Геэтет» Сократ рассказывает о хитростях повивального искусства, когда «повитухи дают зелья и знают заговоры, могут возбуждать родовые муки или по желанию смягчить их, а ту, что с трудом рождает, заставить родить» [Платон 1993, с. 201]. Хитрости повивального искусства связаны с рождением детей, но они уступают тому делу, которым занят Сократ, – принимать «роды души» [Там же], то есть позволять рождаться истине. Хотя сам Сократ нередко повторяет, что он невежествен и пуст, тем самым показывая, что не имеет истину в себе, а является только лишь помощником в ее высвобождении. Точно так же, как мать Сократа, повитуха Фенарета, сама по старости не может родить дитя, но помогает роженице в рождении ребенка, так Сократ при помощи искусства наводящих вопросов помогает родиться истине. Сократ может разными способами допытаться, «рождает ли мысль юноши ложный призрак или же истинный и полноценный плод» [Там же, с. 202]. В ходе философской беседы с кем-либо Сократ может понять, когда мысль собеседника рождает вздор, и помочь выбросить «из головы» пустое. Сократ также может содействовать в произведении на свет настоящего шедевра; это зависит от того, чем наполнен человек, с которым Сократ имеет дело. Извлечь из души вопрошаемого при помощи наводящих вопросов можно различное: это зависит не только от того, кто принимает «роды души», но и от того, какое искусство задействовано в этом. Ведь если мы имеем дело с ремеслом софиста, «ловцом человеческих душ», то в итоге от взаимодействия с ним будут рождаться лишь призраки. Платон прямо указывает на действие софистического искусства: «Когда мы утверждаем, что софист обманывает нас призраком и что его искусство обманчиво, не утверждаем ли мы этим, что наша душа из-за этого искусства мнит ложное?» [Там же,

с. 306]. Софист – обманщик и шарлатан. Обращаем внимание, что искусство (τέχνη) – это прежде всего уловка, способ выманить, поймать, особый вид охоты/влияния. Искусство может иметь разные цели. Яркой демонстрацией разнообразия целей и возможностей искусства (τέχνη) как такового являются рассуждения Чужеземца в диалоге «Софист». Нам важно показать, что искусство у Платона обязательно связано с бытием и истиной, даже если это софистическое искусство. Искусство прежде всего существует, оно есть, то есть имеет бытие. Бытие рассматривается Платоном как связующая нить, соединяющая все существующее. И в этом смысле оно едино. Все многообразие вещей едино в том, что есть, существует. Но вещи мира и знания о них не просто существуют, все существующее находится в постоянной трансформации, в постоянном становлении. И потому единству бытия противостоит внутри самого бытия его иное. Иное является следствием разнообразия вещей, которые к тому же еще не равны себе, поскольку находятся в постоянном развитии, изменении. Иное существует не самостоятельно, а лишь относительно бытия. Платон говорит: «Из существующего одно считается существующим само по себе, другое лишь относительно другого» [Платон 1993, с. 327]. Природа иного проходит через все роды бытия, тем самым они отличаются, но не как принадлежащие бытию, а между собой. Всякий род бытия есть иное по отношению к другому роду и к бытию, как таковому, как единству. «Небытие, таким образом, необходимо имеется как в движении, так и во всех родах. Ведь распространяющаяся на всё природа иного, делая всё иным по отношению к бытию, превращает это в небытие, и, следовательно, мы по праву можем назвать всё без исключения небытием и в то же время, так как оно причастно бытию, назвать это существующим», – говорит Платон [Там же, с. 329]. Поэтому, когда Платон рассуждает о небытии, он имеет в виду не что-то противоположное бытию, а иное бытия. То есть природа иного несет в себе раздробление, но раздробление существующее. Иное распространяется и на роды вещей, и на различные искусства, поэтому и вещи раздроблены, и искусств много. «И эта природа [иного] проходит через все остальные виды, ибо каждое одно есть иное по отношению к другому не в силу своей собственной природы, но вследствие причастности идее иного» [Там же, с. 327]. И если бытие связывает, а иное раздробляет, рассеивает, существуя при этом, то понятно, что иное носит подчиненное бытию положение и является, по Платону, одним из родов бытия. Роды бытия, благодаря своей причастности к бытию, способны смешиваться, в том числе с иным. Сквозь весь диалог проходит мысль о диалектической связи подлинного и неподлинного, бытия и его иного (небытия), а отсюда возможности истины, как проявления бытия, и лжи, как существующего иного истины. Искусство само по себе присуще природе бытия, несет в себе бытие не только потому, что искусство – это способ взаимодействия с природой вещи, но и потому, что искусство – это способность, которая является «причиной возникновения того, чего раньше не было», – читаем мы у Платона [Там же, с. 341]. То есть в искусстве есть рождающая/созидающая сила, и в этом смысле все является искусственным – то есть проявлением и результатом τέχνη. Как замечает Г. В. Болдыгин, «в древнегреческой культуре особое место занимал культ τέχνη (мастерства, искусства, умения), ярче всего воплотившийся в почитании олимпийских богов, каждый из которых, как говорили мифы, был искусником в своем деле» [Болдыгин 2020, с. 80]. Божественное творчество проявлено в создании людей, животных и природных вещей в целом, а также естественных образов, которые сопутствуют природным вещам и зависимы от них, например тени вещей и отражения предметов в воде или на гладких зеркальных поверхностях Человеческое искусство может создавать подлинные вещи или образы, согласующиеся с идеей прекрасного, то есть с истиной вещи. Все подлинные искусства направлены на то, чтобы высвечивать суть бытия вещей.

2. *Высвобождение эйдоса/идеи/истины в диалогах Платона связано с определенным видом искусства – искусством любви.* Любовь – это та сила, которая минует все барьеры и условности, которая не цепляется за материальную оболочку и непосредственно выходит к сущности вещи. Конечно, любовь в античности связана прежде

всего с красотой, с прекрасным, в этом особенность античного видения мира, но этот особый фокус, использующий любовь в качестве инструмента познания, отличается особой мерой бескорыстного восхищения предметом любви. Почему возможно это восхищение, и что, по сути, видит влюбленный? Влюбленный очарован не просто красотой предмета своей любви, он способен узреть божественную суть, божественный замысел об этом предмете или об этом человеке. Умные очи – влюбленные очи.

Эрот представлен у Платона промежуточным существом, гением, срединной сущностью, соединяющей миры божественный и человеческий. Эрот по рождению своему изначально имеет противоречивую родню: мать его, Пеня – нищая, отец – Порос, великолепный, прекрасный бог, в итоге Эрот по своему происхождению – полукровка, имеющий стремление к прекрасному в силу отца и невозможность сохранить/пребывать в прекрасном, содеянном, поскольку наследие матери не дает возможности ничего сохранить. Эрот – это бесконечное стремление к истине, к прекрасному, тотальное напряжение и постоянная неудовлетворенность жизнью, влюбленное начало, оторванное от источника своей любви. В Эроте уживаются стремление к мудрости – от отца, и наследие хитрости, обмана, уловки – от матери, которая зачала Эрота, как говорит Платон, «в своей бедности», когда Порос, охмелевший от нектара, уснул.

Эрот гений. Любящее начало ярче всего проявляется в гениальности. «Все гении представляют собой нечто среднее между богом и смертным... Пребывая посередине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью» [Платон 1993, с. 112–113]. Гений связывает мир божественный и человеческий, неся богам людские молитвы и жертвы людей, а людям, в дар от богов, помощь и ответы на вопросы. Гениальность – высшая степень мастерства, и только любящий человек способен увидеть истину. Любовь как *techné* способна «видеть» сквозь материю непосредственную идею вещи или живую душу, если предметом влюбленности является живое. Эрот всегда стремится к благу, но не обладает им. «Кто сведущ в подобных делах, тот человек божественный, а сведущий во всем прочем, будь то какое-либо искусство или ремесло, просто ремесленник» [Там же, с. 113] – этим заявлением Платон указывает, что гениальности без любви не бывает и высшая степень любого мастерства с необходимостью требует присутствия любящего начала у творца.

3. *Любовь рождает благо.* В диалоге «Пир» Платон приводит интересное рассуждение Сократа, якобы дарованное ему мантинейкой, премудрой Диотимой, что все люди стремятся к счастью, которое может быть понято по-разному, для каждого оно свое и отвечает его собственной природе, но в любом случае каждый человек рассматривает счастье как некое благо для себя. Получается, что всё в этом мире стремится к благу. «Люди любят благо», – говорит платоновский Сократ [Платон 1993, с. 116]. Как же должен поступать тот, кто желает блага, кто в него влюблен? Ответ Диотимы прост: надо родить в том, что прекрасно телесно или духовно, и единственный способ выразить всю любовь к благу – это вызволить его на свет, дать возможность ему родиться. Философ – человек, влюбленный в мудрость, помогает истине родиться, то есть разрешиться от бремени тому, кто не пуст. Философия – это не только особый вид любви, но и определенное искусство, мастерство, *techné*, искусство «выведения из потаенного» (М. Хайдеггер). «Все люди беременны как телесно, так и духовно, и когда они достигают известного возраста, природа наша требует разрешения от бремени» [Там же, с. 116–117]. Это необыкновенное рассуждение показывает, люди носят в себе благо, задача – вызволить его на свет, дать проявиться, не утаить. Рождение детей – дело божественное, это проявление бессмертного в смертном. «Рождение – доля бессмертия и вечности, которая отпущена смертному существу. Но если любовь, как мы согласились, есть стремление к вечному обладанию благом, то наряду с благом нельзя не желать бессмертия. А значит, любовь – это стремление и к бессмертию», – рассуждает Платон [Там же, с. 117]. Это суждение для нас является очень важным. Мы показали, что только любовь может позволить увидеть истину, глаза любящего – самые зоркие глаза, но увидеть истину мало, надо помочь ей дать родиться, то есть помочь ей выйти на свет.

И потому влюбленный через зачатие и рождение, телесное или духовное, стремится вызволить истину на свет божий, позволяет ей явиться, проявить истину как благо. Любовь – это особое мастерство; во-первых, мало увидеть божественный свет/сущность в предмете любви, требуется освободить это сияние, вызволить его из небытия, дать возможность явиться, сделать видимым, показать. Божественная природа истины, вышедшей на свет, явившейся – благо, способное жить вне времени, то есть вечно, бессмертное начало, которое есть у всего подлинного и рожденного в любви. Эта тяга к бессмертию, к вечности заложена у всего сущего. В традиционном виде эта тяга выражена и представлена деторождением, которое есть у всего живого. Но возможно и духовное рождение – рождение произведения искусства, рождение подлинного знания – того, что, появившись во времени, будет жить вечно. Вместе с рождением шедевра рождается мастер. А. Ф. Лосев так комментирует эту идею Платона: «Любящий всегда гениален, так как он открывает в предмете своей любви то, что скрыто от всякого нелюбящего. Обыватель над этим смеется. Но это свидетельствует только о бездарности обывателя. Творец в любой области, в личных отношениях, в науке, в искусстве, в общественной деятельности, всегда есть любящий; только ему открыты новые идеи, которые он хочет воплотить в жизни и которые чужды нелюбящему» [Лосев 1990, с. 61].

4. *Родиться – произойти на свет, стать в бытии.* При всяком рождении важны условия происхождения – то, от чего, то, из чего. «Условия рождения нужны как метрика, чтобы знать природу родившегося. Происхождение определяет, что рождается, каково оно, к чему склонно, на что способно», – пишет А. В. Ахутин [Ахутин 1988, с. 114]. В античном представлении рождение «запускает» особую логику бытия вещи. Аристотель считал, что развитие любой вещи, от рождения до исчезновения, подчинено целевой причине, и в этом смысле мы можем говорить о множественности природ вещей. Несмотря на это, космос – порядок, то есть целевые причины и связанное с ними самобытное существование становящихся вещей, находятся в едином соподчинении богу, как общему благу и творцу всего видимого и невидимого. Античный мир – мир воплощенных качеств, мир разнообразия и красоты, мир гармонии, которая есть особое отношение нетождественного и различного. Каждая вещь рождается в своем бытии, но бытии, готовом к диалогу, бытии, любовно обращенном в сторону мира, бытии зовущем. Уловка, хитрость технического отношения – это хитрость-приманка, хитрость соблазна. Античный мир – мир разнообразных качеств. Античному восприятию чужд количественный подход, который станет основным в науке Нового времени. Любовь нельзя померить линейкой, высчитать проценты, определить выгоду: прекрасное совершенство не поддается контролю. Мастер, углубляясь в природу вещи, находит «за закрытой дверью» красоту и эту красоту мастерство (*τέχνη*) выводит на свет, представляет миру. В диалоге «Государство» Платон говорит, что искусство бескорыстно, это особый вид служения, заботы, взращивания: «Всякое искусство, Фрасимах, это власть и сила в той области, где оно применяется... следовательно, любое искусство имеет в виду пригодное не сильнейшему, а слабейшему, которым оно руководит» [Платон 2002, с. 55]. Следовательно, искусство врача имеет целью заботу о здоровье человека, это освобождение логоса здоровья у пациента, а не получение от больного денег. Конечно, оплата искусства врача может присутствовать, как благодарность за заботу, за помощь. Но в природе самого врачевального искусства не содержится обязательного требования оплаты. Быть мастером в определенном деле – это божий дар, а дар этот сам по себе наслаждение. Попробуйте забрать дар у художника, вдохновение у поэта, и вы поймете, насколько бедным и бесцветным окажется их существование. Мир мастера – мир временной, мир становящийся, зыбкий, зависимый от вдохновения и удачи. Произведения искусства, которые появляются в результате реализации дара, свидетельствуют о реальности трансцендентного мира, они своего рода символы прекрасного Блага. «Представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило культурно более ценного, содержания», – читаем мы у Ю. М. Лотмана [Лотман 1992, с. 191]. Наличие трансцен-

дентной реальности для мастера обязательно, это место притяжения, место глубокой веры и источник силы мастерства. Платон говорит, что «идея блага – это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она – причина всего правильного и прекрасного» [Платон 2002, с. 407]. Простому человеку не рассмотреть идею блага, но особенность и избранность мастера в том, что у него есть непосредственная связь с бытием, которое его всегда зовет, это называется призванием. «Высший дар, которым обладает человек, – возможность сказать неугаемое и вместе с тем действовать *ката фюсив* (*ката фюсин*), то есть включаться и встраиваться во владычество сущего и судьбу мира вообще», – пишет Хайдеггер [Хайдеггер 2013, с. 62].

Заключение

Вопрос о бытии техники – это вопрос о началах: исторических и логических. Но в отношении технического онтологический вопрос – это еще и вопрос о творце, о свободе, потому что мы имеем дело с творением нового мира. То есть в существе техники мы имеем идейное/смысловое единство, которое разворачивается во времени согласно своим потенциям: техническое продуцируется, всякий раз себя достраивая. Мы одновременно имеем дело и с традицией, и с встроенной в нее логикой, и с реализацией особой бытийной направленности, с воплощениями особого рода. Здесь прошлое конвертируется в будущее. Как пишет Г. Гегель, «суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подобно тому как тенденция есть простое влечение, которое не претворилось еще в действительность; а голый результат есть труп, оставивший позади себя тенденцию» [Гегель 1992, с. 2]. Но гегелевская формулировка может быть здесь дополнена настойчивостью Бергсона, который считал, что жизнь проявляет себя в непрерывном творческом акте [Бергсон 1999, с. 37]. В отношении техники, с ее акцентуацией на новое, мы можем сказать, что в мире возникает *истина особого рода*, где новизна выступает одним из критериев.

Символическая реальность техники суггестивна, она не отпускает. Подлинная традиция может быть основана только на бесконечных началах, поэтому античная традиция *techné* жива и сегодня. Она проявлена не только индивидуальным мастерством, талантом конкретных гениев – она выражена в направленности исторического движения современной цивилизации в сторону воплощения своего генетического родства с античной наукой, наукой философов и мастеров.

Список источников

- Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1 / ред. и вступ. ст. В. Ф. Асмуса. М. : Мысль, 1975. 550 с.
- Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и Новое время («фюсис» и «натура»). М. : Наука, 1988. 208 с.
- Бергсон А. Творческая эволюция; материя и память : пер. с фр. М. Булгакова. Минск : Харвест, 1999. 1408 с.
- Болдыгин Г. В. О культе теоретического знания и его оправдании (К истории вопроса) // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 1 (28). С. 78–96.
- Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб. : Наука, 1992. 444 с.
- Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида / пер. с фр. и нем., коммент. и послесл. М. Маяцкого. М. : Ad Marginem, 1996. 268 с.
- Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1 : Феноменология внутреннего сознания времени / пер. с нем. В. И. Молчанова. М. : Гнозис, 1994. 164 с.
- Долгих А. Ю. София и мудрость: смысл понятий и их влияние на восприятие философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 10. С. 24–36.
- Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 / общ. ред., вступит. ст. А. Ф. Лосева. М. : Мысль, 1990. С. 3–63.

- Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн : Александра, 1992. 479 с.
- Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова. М. : Директ-Медиа, 2002. 635 с.
- Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2 / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; примеч. А. Ф. Лосева, А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1993. 528 с.
- Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления : пер. с нем. М. : Республика, 1993. С. 221–237.
- Хайдеггер М. Основные понятия метафизики: мир – конечность – одиночество / пер. с нем. В. В. Бибикина, А. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. СПб. : Владимир Даль, 2013. 592 с.

Информация об авторе

Елена Юрьевна Погорельская, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Elena Yu. Pogorelskaya, Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof. at Tourism and Hospitality Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 22.03.2023.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 24.04.2023.